

XXXVII г.

№ 4

Выданъ 28-го января 1906 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и К. М. СТАНЮКОВИЧА, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 42 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 лигетовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906

Остальныя 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ приложеніемъ **40 книгъ**
„СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р. За
гра-
ницу. **12 р.**

Урокъ.

Повѣсть

Бор. Лазаревского.

(Продолженіе).

IX.

Послѣ отъѣзда Орѣхова жизнь пошла попрежнему. Только Лена чаще вспоминала о Знаменскомъ.

— На первый день праздника вечеромъ будемъ въ школѣ,—говорила она нараспѣвъ:—тамъ всегда устраивается на пашинъ счетъ елка. Придетъ батюшка, придетъ учитель, Любовь Петровна и еще одна учительница, придетъ земскій начальникъ Квасоваровъ, прилетитъ на своихъ арабахъ Брусенцовъ, онъ тоже привезетъ подарки и сладости. Мальчики и дѣвочки споютъ молитву, а затѣмъ мы раздаемъ подарки, чтобы досталось каждому, каждому... Всѣ они ужасъ, какъ насъ любятъ. Потомъ на двухъ тройкахъ домой. Впереди папа, Дина и Брусенцовъ, а за ними я, мама и Любовь Петровна. На нашей тройкѣ бубенчики гремятъ сильнѣе. А когда Кузьма ударитъ кнутомъ, пристяжная Зорька всегда подбрасываетъ задомъ,—снѣгъ въ самое лицо такъ и засыпаетъ... Въ шубѣ тепло, только отъ мороза въ носу крутить...

— Скорѣе бы! — сказала, чуть потягиваясь, Дина.

„Счастливыя, счастливыя,—думалъ Константинъ Ивановичъ:—и другимъ приносятъ счастье, и народъ ихъ любить“.

Были два раза въ театрѣ—въ драмѣ и въ оперѣ. И все, что Кон-

Царевна-лягушка. Картина Ж. Баукъ, гравюра Фальшеера.

стантинъ Ивановичъ видѣлъ и слышалъ въ этотъ разъ на сценѣ, произвело на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ когда онъ бывалъ одинъ. Любовь Петровна попрежнему хохотала и ни разу не пожаловалась на свою жизнь.

Теперь Константинъ Ивановичъ мысленно раздѣлялъ семью Орѣховыхъ и близкихъ имъ людей на двѣ части: Дина, Ольга Павловна, Лена и Любовь Петровна были симпатичныя, а Степанъ Васильевичъ, Брусенцовъ и управляющій, которыхъ онъ еще не видѣлъ, казались несимпатичными. Ему часто приходило въ голову, что такъ бываетъ почти въ каждой семьѣ, и это не бѣда. Онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ поѣдетъ лѣтомъ въ Знаменское въ качествѣ ли, учителя или просто въ гости и будетъ тамъ наблюдать народъ и учить Дину и Лену относиться хорошо къ мужикамъ. Съ Кальнишевскимъ почему-то было непріятно встрѣчаться и его остроты казались плоскими.

Однажды, уже въ началѣ декабря, Константинъ Ивановичъ сидѣлъ рядомъ Диной и, нагнувшись надъ столомъ, исправлялъ ея диктовку. Она внимательно слѣдила за синимъ карандашомъ. Подчеркнувъ слово „прежде“, написанное черезъ два „ѣ“, онъ поднялъ голову и сердитымъ тономъ сталъ говорить о томъ, что никакъ не ожидалъ подобной ошибки.

Взглянувъ на все еще нагнувшуюся Дину, онъ замѣтилъ, что ея кофточка спереди немного разошлась, видно было тонкое кружево сорочки, а за нимъ почти вся одна очерченная, какъ у Фрины на картинѣ Семирадскаго, вполне сформировавшаяся грудь, которая спокойно то подымалась, то опускалась.

Стало сухо во рту и буквы запрыгали на бумагѣ. Сдѣлавъ огромное, ужасное усиліе, Константинъ Ивановичъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Дина, думая, что онъ все еще сердится, молчала и не поднимала головы. Снова пришлось сѣсть рядомъ и глядѣть на удивительное и будто совсѣмъ не такое, какъ случилось видѣть у другихъ женщинъ, тѣло. Наконецъ, онъ рѣшился сказать Динѣ, чтобы она поправила платье, но смутился и сказалъ что-то по поводу диктовки. Дина, точно инстинктомъ почуявъ неладное, запахнулась платкомъ и одной рукой, подъ нимъ, застегнула пуговку. Диктовка была исправлена. Константинъ Ивановичъ отпустилъ Дину и позвалъ Лену, чтобы объяснить ей десятичные дроби. Онъ говорилъ уже ровно, а сердце все еще стучало глухо и сильно.

Лена по обыкновенію задавала посторонніе вопросы. Константинъ Ивановичъ отвѣчалъ на нихъ со злостью и невпопадъ, а ей казалось, что онъ шутитъ, и было смѣшно.

Противъ обыкновенія онъ не остался даже пить чай, и, сказавъ Ольгѣ Павловнѣ, что болитъ голова, — убѣжалъ. На воздухъ стало легче, но все еще было стыдно передъ кѣмъ-то невѣдомымъ, а главное — страшно, страшно... Казалось, будто онъ сегодня укралъ изъ квартиры Орѣховыхъ какую-то цѣнную, семейную вещь. Ужаснѣе же всего было, что въ эту ночь приснилась Дина, полуобнаженная, и будто онъ цѣлуетъ ея тѣло, и проснувшись, онъ хорошо помнилъ, какъ шепталъ во снѣ:
— Диночка, золотая, никто не узнаетъ!.. милая, прости, я обезумѣлъ, да, да, я совсѣмъ сумасшедшій...

Заснуть снова Константинъ Ивановичъ уже не могъ. Онъ лежалъ и думалъ:

„Если человѣкъ чего-нибудь не желаетъ, то у него не можетъ быть объ этомъ и представленія. Значитъ, я скотина. Именно скотина, потому что въ данномъ случаѣ даже и любви нѣтъ. Вѣдь, что она для меня — симпатичная дѣвушка, моя ученица и до физическаго ея существа мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Но это пройдет, непременно пройдет...“

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Разсвѣтъ уже начался. Ночью выпалъ снѣгъ. Крыши и карнизы между этажами казались голубыми. Внизу по улицѣ медленно проѣхалъ извозчикъ; онъ спалъ, уткнувшись въ передокъ саней.

Черезъ недѣлю Константинъ Ивановичъ совсѣмъ успокоился. Онъ только косился на Дину и старался какъ можно меньше оставаться возлѣ нея, когда не было урока. Радовало очень сознание, что онъ не влюбленъ и что Дина и всѣ Орѣховы для него только очень симпатичныя, но совсѣмъ чужіе люди и въ его чувствѣ къ нимъ разсудокъ не ушелъ.

Четырнадцатаго декабря Константинъ Ивановичъ проводилъ Дину, Леночку, Ольгу Павловну и Любовь Петровну на вокзалъ. Послѣ отхода поѣзда онъ сейчасъ же вернулся домой, рухнулъ ничкомъ на постель и въ первый разъ въ жизни горько заплакалъ...

Праздники проходили грустно. Кромѣ тоски набѣгали иногда еще и ужасъ. Кто-то невѣдомый говорилъ въ самыя уши:

„До ихъ отъѣзда ты думалъ, будто любишь всю эту семью, будто любишь свое дѣло учителя, будто любишь въ Динѣ естественную, неизломанную натуру... Но ты, на самомъ дѣлѣ, такъ не думалъ, а только хотѣлъ думать. Ты самъ себѣ лгалъ. Теперь эта искусная ложь кончена. Совсѣмъ кончена. Теперь тебѣ никуда не уйти отъ признанія, что въ Динѣ ты любишь больше всего уже сформировавшуюся женщину. Что ты уже мысленно ласкаешь ея милое всему твоему существу тѣло. Что въ сѣромъ платкѣ на плечахъ она нравится тебѣ больше потому, что тогда бываетъ безъ корсета. И Ольга Павловна тебѣ нравится не потому, что она добра, а потому, что она ея мать. И съ желтолицей кликушей Любовью Петровной ты потому только и можешь разговаривать, что она часто бываетъ *возлѣ нея*. Какъ ты ни вертись, какъ ни прячься, какъ ни развлекайся, но я тебя найду вездѣ и проникну въ тебя, какъ проникаетъ лучъ солнца сквозь крохотную щелочку темнаго амбара и рисуетъ на его стѣнахъ всю виѣшнюю дѣйствительность, какая бы она ни была...“

Но онъ еще не вѣрилъ этому голосу.

Орѣховы должны были возвратиться двѣнадцатаго января утромъ. Константинъ Ивановичъ поѣхалъ на вокзалъ. Санная дорога была разбита и маленькій извозчикій козырекъ сильно подпрыгивалъ. Морозило. Настроение было бодрое, свѣжее.

„Вотъ ѣду встрѣчать ихъ и нисколько не волнуясь, — значитъ, все вздоръ“, — думалъ онъ.

Поѣздъ опоздалъ на часъ. За это время Константинъ Ивановичъ выпилъ въ буфетѣ рюмку водки и вкусно позавтракалъ. На душѣ стало еще покойнѣе и веселѣе.

Вдругъ все зданіе вокзала затряслось и мимо зеркальных оконъ пронесся, задыхаясь, черный силуэтъ паровоза, а за нимъ все медленнѣе и медленнѣе шли синіе и коричневые вагоны.

Ударилъ звонокъ. Послышалась трель кондуктора. Огромная дверь на платформу распахнулась. Константинъ Ивановичъ выбѣжалъ и сталъ смотрѣть направо и налево. Орѣховыхъ не было. Онъ прошелъ еще разъ вдоль обмерзшаго поѣзда и подумалъ:

„Значитъ, пріѣдутъ завтра. А я все-таки не очень волнуясь“.

Домой онъ возвращался въ трамваѣ. Поминутныя остановки, кондукторъ въ огромныхъ валенкахъ, постоянно наступавшій на ноги, и равнодушныя лица пассажировъ — все злило.

Вечеромъ пришлось идти съ отцомъ къ Аристарховымъ. Тамъ говорили о томъ, что Таня беременна, а Жоржику назначили новаго начальника, мало понимающаго дѣло, и теперь ему трудно. За ужиномъ, какъ и всегда, было скучно. Не хотѣлось дотрагиваться ни до осетрины подъ маіонезомъ, ни до гуся съ капустой. Потомъ подали пастилу на стеклянномъ блюдечкѣ и на тарелкѣ нѣсколько яблокъ, а сверху лежалъ апельсинъ.

Орѣховы не пріѣхали и на слѣдующій день. Константинъ Ивановичъ уже волновался и не спорилъ съ надоедливымъ голосомъ. Хотѣлось пойти и поговорить обо

всемъ съ близкимъ и хорошимъ человѣкомъ. Кальнишевскій былъ все еще, почему-то, противенъ.

Наконецъ, пришло въ голову сходить къ Винтеру, но его онъ встрѣтилъ только-что вышедшимъ изъ квартиры. Нѣмецъ куда-то спѣшилъ и сказалъ только, что Орѣховы изъ деревни всегда опаздываютъ. Прошло еще четыре дня, Константинъ Ивановичъ каждое утро бывалъ на вокзалѣ и возвращался съ грустнымъ лицомъ. Дина снилась почти каждую ночь. Затѣмъ онъ уже не ѣздилъ встрѣчать Орѣховыхъ, а лежалъ и мечталъ о Динѣ. Не хотѣлось даже въ театръ.

X.

Двадцатаго числа вечеромъ пришла горничная Орѣховыхъ Анюта и принесла записку въ голубомъ конвертикѣ. Константинъ Ивановичъ сразу узналъ почеркъ Дины и покраснѣлъ.

На листочкѣ было слѣдующее:

„Многоуважающій (такъ и было написано) Константинъ Ива... Мы сегодня уже пріѣхали. Мама проситъ прійти. Приходи... Дина“.

Константинъ Ивановичъ далъ Анютѣ рубль и сталъ быстро одѣваться. Черезъ десять минутъ онъ уже ѣхалъ на извозчичьихъ санкахъ, въ рукѣ все еще было письмо Дины. Онъ хорошо зналъ, что Дина часто не дописываетъ конца словъ, и тѣмъ не менѣе, слово „приходи“ его очень смущало.

„А вдругъ это умышленно? Вдругъ это взаимное чувство? Вѣдь она уже способна любить... Въ февралѣ ей шестнадцать... А можетъ-быть, это маленькое кокетство? Вызовъ?... Какъ это странно!.. Знаю навѣрное, что ошибаюсь, и все-таки вздоръ этотъ лѣзетъ въ голову. Ужасно нелѣпо, ужасно...“—думалъ онъ.

Вотъ и подъѣздъ. Сердце затараторило что-то сладкое. Всѣ встрѣтили его въ передней и видимо обрадовались. Дина улыбалась ласково. Ольга Павловна пожала руку крѣпче обыкновеннаго. Любовь Петровна кашляла. Леночка сейчасъ же начала рассказывать о Знаменскомъ. Всѣ заговорили сразу, и поэтому трудно было отвѣчать. Голосъ Дины звучалъ, какъ музыка. Она еще поздоровѣла и казалась выше.

— А вы даже выросли,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, это у меня ботинки на французскихъ каблукѣхъ,—отвѣтила Дина и опять ласково улыбнулась.

Константинъ Ивановичъ окончательно прішелъ въ себя только въ столовой.

— Знаете, знаете,—говорила Леночка:—я изобрѣла новый способъ кататься на конькахъ. У насъ есть собаки Милордъ и Трезвый, я беру ихъ на смычки, какъ гончихъ,—кольцо отъ ремней въ руки, и гайда по пруду. Впереди Томка, они стараются его догнать и бѣгутъ быстро, быстро, какъ побѣды. А сзади Брусенцовъ и Дина,—руки на-крестъ и тоже хотятъ меня догнать, но всегда остаются далеко, далеко.

Послѣдняя фраза встревожила Константина Ивановича.

„А вдругъ они нарочно остаются позади, и онъ въ это время говорить ей о своей любви. Вѣдь ее нельзя не любить“.

— Да,—продолжала Лена:—кланяется вамъ Федька, онъ уже выучилъ святыхъ до августа мѣсяца. И кланяется вамъ замѣчательная тетя Лиза.

— Елизавета Васильевна дѣйствительно замѣчательная женщина и говорить о ней такимъ тономъ нельзя,—сказала Любовь Петровна.

— Она носитъ вериги и ничего не ѣстъ,—задумчиво произнесла Дина.—Тетя Лиза никогда не была въ театрѣ и говоритъ, что бывать тамъ грѣхъ, и выходить замужъ тоже грѣхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, она ни разу не уѣзжала изъ Знаменскаго, значить уже шестнадцать лѣтъ.

— Къ ней монашенки ѣздятъ и привозятъ просфоры, вкусныя такія,—прозвенѣлъ опять голосъ Лены.

Весело шумѣлъ самоваръ. Особенно аппетитно смотрѣли разставленные на столѣ: творогъ, масло, густая сметана, холодный поросенокъ и привезенный изъ Зна-

менскаго домашній черный хлѣбъ. И во всей комнатѣ пахло еще чѣмъ-то особенно пріятнымъ, давно знакомымъ. Константинъ Ивановичъ наконецъ сообразилъ, что это запахъ отъ папироски Ольги Павловны, котораго онъ не слыхалъ уже цѣлый мѣсяцъ. На душѣ было хорошо до слезъ. Въ этотъ день урока не было и о занятіяхъ не говорили. Лена снова начала рассказывать о деревнѣ.

— Да что ты все болтаешь,—сказала ей Ольга Павловна:—вѣдь все равно никого изъ тамошнихъ жителей Константинъ Ивановичъ не знаетъ. Пріѣдетъ лѣтомъ, поживетъ и самъ все увидитъ.

— Пріѣдетъ лѣтомъ, поживетъ и самъ все увидитъ,—радостно повторилось въ его ушахъ. И онъ думалъ:

„Значить, то, что я лѣтомъ буду въ Знаменскомъ—вопросъ рѣшенный. Значить, теперь надолго, а можетъ-быть и на всю жизнь я для нихъ свой человѣкъ...“

Вошла Анюта и убрала самоваръ; локтемъ она нечаянно задѣла по плечу Константина Ивановича и онъ этого не замѣтилъ.

Мысли текли все такъ же сладко: „Умышленно или неумышленно она написала „приходи“, а не „приходите“?... Такъ ли она ласково относится ко мнѣ, какъ смотреть ей глаза? А можетъ, на Брусенцова она смотритъ еще ласковѣе...“ Отъ этой мысли стало вдругъ жарко.

Когда на другой день Константинъ Ивановичъ снова шелъ на урокъ, то думалъ, что вторая половина года пройдетъ еще симпатичнѣе, потому что теперь Дина для него не просто ученица, а существо, ради счастья видѣть которое каждый день только и стоитъ жить на свѣтѣ. Нужно непременно держать себя такъ, чтобы никто, рѣшительно никто не могъ догадаться, какъ она ему дорога.

Занятія пошли какъ будто хуже, но это легко объяснялось,—послѣ деревенской жизни и Динѣ, и Леночкѣ трудно было заставить себя учиться регулярно.

Какъ-то въ классную вошла Ольга Павловна, и Лена, въ ея присутствіи, сказала:

— Какой вы право, Константинъ Ивановичъ! Динѣ, не бойсь, рассказываете исторію цѣлый часъ, а мнѣ—сказали нѣсколько словъ о Троянской войнѣ да и кончено.

Онъ сильно покраснѣлъ, но сейчасъ же нашелся и отвѣтилъ:

— Вы скорѣе запоминаете все, что вамъ говоришь...

— Очень пріятно,—отчеканила Лена.

— Леночка, такъ нельзя отвѣчать. Константинъ Ивановичъ лучше знаетъ, которой изъ васъ, какъ и что нужно объяснять,—сказала Ольга Павловна.

Лицо ея было серьезно и даже строго, какъ и тонъ голоса.

Но Константину Ивановичу послышалась насмѣшка по его адресу. Онъ покраснѣлъ еще сильнѣе и въ этотъ вечеръ ушелъ домой раньше обыкновеннаго.

Съ каждымъ днемъ онъ велъ себя иначе. Въ столовой онъ старался не садиться рядомъ съ Диною, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ, какъ пріятна ему ея близость. Въ присутствіи Ольги Павловны онъ иногда не совѣмъ справедливо выговаривалъ Динѣ за ея разсѣянность, и опять только для того, чтобы нельзя было подумать, что она ему дороже всего на свѣтѣ. Дина слушала эти замѣчанія совѣмъ равнодушно. А Константинъ Ивановичъ думалъ: „бѣдная, милая, прости, но что же дѣлать,—это необходимо“. Отъ всѣхъ этихъ уловокъ въ итогѣ получалась усталость.

Время бѣжало теперь быстро. Константину Ивановичу казалось иногда, что всего нѣсколько дней назадъ онъ ходилъ на вокзалъ встрѣчать Орѣховыхъ, между тѣмъ, на слѣдующей недѣлѣ уже начиналась масляная. Часто на душѣ бывало нехорошо отъ сознанія, что за пять мѣсяцевъ по курсу почти не пройдено и половины. На дворѣ стояла слякоть и поскребыванье лопатокъ дворниковъ напоминало, что уже скоро весна, а тамъ и Знаменское,—за лѣто можно будетъ наверстать пропущенное зимою. Въ понедѣльникъ Ольга Павловна взяла ложу въ оперу и пригласила и Константина Ивановича.

Бой. Авторский эскиз Н. Самокиша, арт. «Нивы».

Выступление генерала Родзянко. Акварель академика Н. Самокиша, авт. «Нивы».

Шелъ „Евгеній Онѣгинъ“. И баритонъ, и теноръ были выдающіеся пѣвцы. Особенно сильное впечатлѣніе произвела арія Ленскаго передъ дуэлью. Началъ оркестръ и вдругъ стихъ. Виолончель простонала что-то грустное, ей такъ же печально и коротко отвѣтили волторны, точно сказали: „да, это такъ“. Потомъ зашѣли сразу всѣ скрипки. Видно было изъ-за барьера, какъ поднимались и опускались ихъ смычки.

Весь театръ притихъ, когда вступилъ полный тоски человѣческой голосъ.

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни...

У Дины глаза были влажны. Золотой медальонъ на ея розовой кофточкѣ то подымался, то опускался.

„Какъ она сильно чувствуетъ, какъ она сильно чувствуетъ,—думалъ Константинъ Ивановичъ:—вотъ Ленѣ все равно,—только брови нахмурила, и видно, что ни на секунду не забыла, что все это происходитъ не въ жизни, а на сценѣ“.

Изъ театра ѣхали въ большихъ четырехмѣстныхъ саниахъ. Константинъ Ивановичъ и Леночка сидѣли на передней скамейкѣ. Иногда сани очень потряхивало, и его колѣни чуть прикасались къ колѣнямъ сидѣвшей противъ Дины. Не полная луна ярко освѣщала милое, спокойное лицо. Изрѣдка ея закругленные рѣсницы вздрагивали. Морозило. Отъ ридикюля Ольги Павловны чуть пахло кожей и духами.

Мало-по-малу страхъ, что могутъ замѣтить его любовь къ Динѣ, расплылся. Иногда даже хотѣлось, чтобы Ольга Павловна сама подумала о возможности этой любви. Случая съ кофточкой больше не повторялось и ничто не волновало. На душѣ было чисто. Какъ-то послѣ урока Константиномъ Ивановичемъ овладѣло особенно хорошее расположеніе духа и ему захотѣлось разсказать Динѣ и Леночкѣ, что онъ думаетъ о ихъ жизни.

Онъ говорилъ о томъ, что на нихъ, какъ на дѣвушкахъ богатыхъ и образованныхъ, лежитъ нравственная обязанность думать о счастьѣ крестьянъ,—не богатыхъ и не образованныхъ. Онъ говорилъ, что въ первый разъ видитъ семью, гдѣ барышни такъ искренно любятъ и народъ, и природу, и всей душой стремятся поскорѣе изъ города. Онъ говорилъ, что когда онѣ войдутъ въ настоящую жизнь, то уже будетъ новое, хорошее время, и всѣ классы общества будутъ любить своего ближняго, какъ это сказано въ евангеліи.

Любовь Петровна съ восторгомъ глядѣла на него и послѣ каждой фразы кивала головой. Леночка тоже была серьезна, потомъ вздохнула и сказала:

— Да, у насъ хорошо. Когда пріѣдете, тогда сами увидите и мужиковъ, и поля, и липовую аллею, и Федьку, и Томку,—все увидите...

Дина машинально рисовала на промокательной бумагѣ лошадиную голову.

Хорошее бодрое настроеніе не оставило Константина Ивановича и тогда, когда онъ вернулся домой.

„Навѣрное, и она чувствуетъ, какъ дорога мнѣ. Она должна быть моей женой! Я никому не дамъ ее и никому не позволю ее развратить. Я научу ее, какъ нужно жить... Это мое первое чувство, и потому самое серьезное. Никогда и никого я не полюблю больше, чѣмъ ее. Каждый человѣкъ кузнецъ своего счастья... Если идти къ цѣли искренно, честно и смѣло, то идеалъ жизни осуществить легко. Погибаютъ только трусы“,—сладко пыло въ его головѣ.

XI.

Въ это время Дина и Леночка тоже раздѣвались и собирались спать.

— Кальнишевскій былъ умнѣе и лучше объяснялъ арифметику,—сказала Лена, нагнулась и однимъ движениемъ разстегнула на ботинкѣ пуговицы, такъ что одна изъ нихъ оторвалась и покатила по полу.

Дина ничего не отвѣтила и только тряхнула головой

впередъ, чтобы волосы рассыпались, потомъ чуть повернула все личико на бокъ и стала расчесывать ихъ гребешкомъ.

— Этотъ Константинъ Ивановичъ какъ будто не-много странный,—продолжала Лена:—говорить о томъ, какъ хорошо, что мы любимъ природу, а самъ не видалъ ни нашего сада, ни лошадей, ни мужиковъ...

— Ты ничего не понимаешь,—сказала Дина и опять тряхнула головой.—Онъ хорошо объясняетъ словесность и исторію,—долго говорить, и тогда можно сидѣть не двигаясь, и думать о Знаменскомъ, о чемъ хочешь... А Кальнишевскій два-три слова сказалъ и сейчасъ же начинаетъ спрашивать, будто дергаетъ. И злѣе онъ...

— Все-таки Смирновъ очень странный.

— По-твоему странный, а вотъ и мама говоритъ, что онъ гораздо симпатичнѣе Зиновія.

— А я сама слышала, какъ папа говорилъ, что лучшаго учителя, чѣмъ Зиновій Григорьевичъ, и желать нельзя.

— Мало ли что...

— Папа знаетъ, что говорить.

— Онъ знаетъ, а ты глупышка.

Лена обидѣлась. Раздѣвшись окончательно, она юркнула подъ одѣяло, потомъ вскочила, торопливо перекрестила подушку и снова укрылась.

Дина легла еще не скоро и долго шопотомъ молилась Богу.

Вошла Любовь Петровна въ бѣлой кофточкѣ и юбкѣ, худая, худая. Она поставила на умывальникъ кружечку съ зубной щеткой, затѣмъ подошла и поцѣловала Лену. Дина лѣниво подставила ей свою щеку, обождала, пока дверь снова затворится, а потомъ подошла и повернула кнопку электрической лампочки. Сквозь верхнюю часть ставни сейчасъ же пробился широкій зеленоватый лунный лучъ и заигралъ на противоположной стѣнѣ.

— Лена.

— Что?

— Я не буду зажигать ночника, и такъ свѣтло.

— Какъ хочешь... Не мѣшай, я уже сплю.

Лена перевернулась на другой бокъ и глубоко вздохнула. Въ комнатѣ было очень тепло. Пахло бѣльемъ и зубнымъ эликсиромъ. Дина грузно легла на постель и укрылась до подбородка плюшевымъ одѣяломъ. Она любила ночь и полное одиночество, когда кругомъ было совсѣмъ тихо.

Теперь мысли ея сразу перелетѣли въ Знаменское и къ Брусенцову...

Когда Брусенцовъ былъ гимназистомъ восьмого класса, Динѣ было десять лѣтъ. Здороваясь съ нею, онъ важно расшаркивался и, улыбаясь, говорилъ: „а вотъ и моя не-вѣста пришла“. И это ей было смѣшно, а Брусенцовъ казался совсѣмъ взрослымъ, онъ уже курилъ и у него пробивались усы. Въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, умеръ отъ удара его отецъ, старый генералъ, и оттого, что Брусенцовъ сталъ самостоятельнымъ хозяиномъ и уже носилъ коротенькій студенческій китель, онъ точно сдѣлался еще старше.

Проводить время съ двоюроднымъ братомъ, кадетомъ Юшей, было гораздо интереснѣе. Юша умѣлъ дѣлать смѣшныя рожи и могъ такъ лаять по-собачьи, что вводилъ въ заблужденіе настоящихъ собакъ.

Когда Динѣ окончилось четырнадцать лѣтъ, Степанъ Васильевичъ позволилъ ей учиться ѣздить верхомъ. Въ этихъ урокахъ принимали большое участіе и Брусенцовъ и Юша. Она ѣздила то съ тѣмъ, то съ другимъ. Въ провозатые давали еще конюха Клима. Клима всегда трясся сзади, болталъ руками и ногами, точно развинченный, и на лицѣ у него была скука.

Во время этихъ поѣздокъ Юша вдругъ сталъ объясняться Динѣ въ любви. Онъ говорилъ, что во всемъ Петербургѣ не видалъ такой хорошенькой барышни, и что, какъ только станетъ офицеромъ, то непременно женится на ней. Одинъ разъ онъ показалъ ей у себя на рукѣ букву Д, которую выжигъ раскаленнымъ перомъ.

Очень смѣшнымъ казалось, что когда Юша клялся принадлежать только ей, то ѣхавшій въ двухъ шагахъ Климъ, видимо, ровно ничего не понималъ и лицо у него оставалось такимъ же равнодушнымъ, какъ всегда.

На другое лѣто Юши уже не было. Онъ писалъ только страстные письма изъ Парскосельскаго лагеря. Пріѣхалъ Кальнишевскій, который заставлялъ слишкомъ много заниматься. Онъ былъ хмурый, неразговорчивый и боялся лошадей.

Теперь ѣздить верхомъ можно было только съ Брусенцовымъ, который въ любви не объяснялся, но часто глядѣлъ въ глаза такъ особенно, что сердце само начинало биться. Когда они вѣзжали на лѣсную дорогу, Брусенцовъ часто спрашивалъ:

— Ну, Дина, поскачемъ?

— Идетъ.

Случалось, что Брусенцовъ ѣхалъ съ лѣвой стороны и на полномъ карьерѣ лошадь прижимала его къ ногамъ Дины. Пять минутъ такой скачки страшно волновали.

Въ концѣ августа снова пріѣхалъ Юша, но только на двѣ недѣли, и по-прошлогоднему началъ говорить о своей любви; иногда это ласкало уши, а иногда было очень скучно. Послѣ отъѣзда Юши, какъ-то вечеромъ возвращались съ пикника. Дина сидѣла вмѣстѣ съ Брусенцовымъ въ его пролеткѣ. Было темно и сыро. На фиолетовыхъ, уже занявшихъ полнеба облакахъ выступили силуэты избъ и церкви Знаменскаго.

Никто не правилъ, лошадь шла сама за переднимъ экипажемъ, въ которомъ ѣхали Ольга Павловна и Леночка. Брусенцовъ, молча, всей своей широкой ладонью обнялъ за талью Дину и, не отнимая руки, тихо спросилъ:

— Вамъ хорошо со мною?

— Мгм...

Такъ ѣхали они еще минутъ десять. Почему хорошо?— Дина не успѣла себя объяснить. Она только знала, что никогда и никому объ этомъ „хорошо“ не скажетъ. Теперь подъ теплымъ одѣяломъ все вспомнилось особенно точно.

Дина думала:

„Въ это лѣто начнеть ѣздить верхомъ и Лена,—мѣшать будетъ. Впрочемъ, пусть себя ѣздитъ съ Константиномъ Ивановичемъ или съ Климомъ... Да все равно, мы ускоримъ впередъ. Пріѣдетъ ли Юша? Ему еще цѣлый годъ нужно быть юнкеромъ. Когда онъ говоритъ о своихъ чувствахъ, то приятно, точно лимонадъ пьешь. А когда Брусенцовъ скажетъ одно слово, то даже голова кружится,—будто послѣ замороженнаго шампанскаго“.

О замужествѣ она не мечтала и думалось ей, что замужемъ скучно и дѣти будутъ мѣшать оставаться одной.

Самымъ приятнымъ ей казалось наслаждаться жизнью такъ, чтобы ни одна душа не смѣла ее заподозрить въ этомъ наслажденіи.—Самымъ же неприятнымъ она считала искать чѣй-нибудь любви и кокетничать или выслушивать объясненія въ чувствахъ чловѣка, который не нравится. Думалось ей также, что если бы ей въ любви вдругъ объяснился Климъ или Кальнишевскій, то это было бы до слезъ смѣшно. Ей было такъ же смѣшно, когда мать называла ее дѣточкой, и въ то же время остро приятно—не показывать и виду, что она уже давно не чувствуетъ себя дѣточкой.

Дина съ нетерпѣніемъ ждала Пасхи и лѣта. Теперь, въ посту, чувствовалось особенно тоскливо и единственнымъ развлеченіемъ была постная пища. Иногда она съѣдала по цѣлой коробкѣ маринованой осетрины и любила вымазывать бѣлымъ хлѣбомъ острый, немного пахнувшій жостью, сокъ.

Пасха въ этомъ году была ранняя, и Ольга Павловна рѣшила встрѣтить праздникъ въ городѣ, побывать нѣсколько разъ въ театрѣ, а на Фоминой, когда дороги въ Знаменскомъ немного подсохнутъ, двинуться туда на

цѣлое лѣто. Въ срединѣ марта пріѣзжалъ на два дня Степанъ Васильевичъ и утвердилъ этотъ проектъ. Было также окончательно рѣшено, что Константинъ Ивановичъ сейчасъ же послѣ своихъ экзаменовъ тоже пріѣдетъ въ Знаменское.

Ночь подъ Свѣтлое Воскресенье выдалась темная, беззвѣздная. Накапывалъ иногда дождикъ. Движеніе на улицахъ все усиливалось. Колокола еще молчали, и только слышно было, какъ они торопливо перезванивали на другомъ концѣ города въ костелѣ. Соборная колокольня, вся иллюминированная электричествомъ, свѣтлымъ пятномъ выступала на фонѣ неба.

У заутрени Орѣховы и Константинъ Ивановичъ были въ университетской церкви. Онъ еще никогда не видалъ Дину одѣтой такъ нарядно. Въ бѣломъ длинномъ платьѣ, она была похожа на невесту. Константинъ Ивановичъ любовался ея фигурой, спокойнымъ выраженіемъ глазъ, густыми будто подвитыми кверху рѣсницами и нѣжнымъ, немного матовымъ цвѣтомъ ея личика. И ему хотѣлось, чтобы служба тянулась какъ можно дольше.

Пѣвчіе вдругъ умолкли, все кругомъ загудѣло, зашеlestѣло, и двинулись впередъ. Священникъ началъ христосоваться. На душѣ было радостно и тревожно. Выслушали еще коротенькое „слово“. Потомъ Ольга Павловна улыбнулась и пригласила Константина Ивановича ѣхать къ нимъ разговляться, и онъ согласился, хотя зналъ, что его, пожалуй, будетъ ждать и отецъ. Въ передней всѣ похристосовались съ Анютой, а потомъ сняли верхнія кофточки и прошли въ ярко освѣщенную столовую. Здѣсь еще разъ поздравили другъ друга съ праздникомъ и Ольга Павловна поцѣловалась съ Константиномъ Ивановичемъ, а потомъ вышло такъ, что онъ похристосовался въ губы и съ Диной и съ Леночкой. Дина поцѣловалась совсѣмъ спокойно, но все-таки впечатлѣніе получилось головокружительное.

Константинъ Ивановичъ возвращался домой, когда уже свѣтало. Иллюминація потухла. Куполь на соборѣ переливался розовымъ золотомъ. Тротуары были влажны. По небу разбросались маленькія облачка съ золотыми краями внизу. Воробьи уже кое-гдѣ живкали. Наступали теплынь и свѣтъ. По улицамъ спѣшили люди съ узелками въ рукахъ. Попался навстрѣчу одинъ пьяный.

Константинъ Ивановичъ шелъ медленно, ему хотѣлось плакать и казалось, что онъ въ первый разъ въ жизни понялъ, что такое счастье. Въ концѣ святой совсѣмъ неожиданно явился Степанъ Васильевичъ, а черезъ три дня Орѣховы на все лѣто уѣхали въ Знаменское.

Константинъ Ивановичъ вернулся съ вокзала грустный. Были деньги, предстояло перейти на третій курсъ, предстояло скоро ѣхать въ настоящую деревню къ любимымъ людямъ, и все-таки на душѣ лежала тяжесть. Просмотрѣвъ программу и расписаніе экзаменовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что если ихъ выдержать, то это будетъ чудомъ. Нужно было заниматься очень энергично.

Погода вдругъ испортилась, стало холодно, какъ въ ноябрѣ, и разъ утромъ въ воздухѣ летали даже снѣжинки, а потомъ на цѣлую недѣлю зарядилъ дождь. Готовившіяся распуснуться деревья покрылись ледяной корой и печально стучали вѣткой о вѣтку. Дулъ такой вѣтеръ, что тряслись окна. Опять начали топить печи.

До перваго экзамена оставалась недѣля. Но Константину Ивановичу за книгой не сидѣлось. Онъ безъ конца ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а когда начиналъ чувствовать въ ногахъ усталость, то становился на подоконникъ, отворялъ форточку и подолгу глядѣлъ на темную улицу. Было приятно, когда вѣтеръ трепалъ волосы или вдругъ упавшая съ крыши крупная капля попадала за воротникъ и тогда хотѣлось громко пѣть подъ тактъ мѣрной дроби дождя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Романсъ.

(На мотивъ изъ Гейне).

Скажите ей, друзья моей печали,
Вы, звѣзды ясныя съ лазурной высоты:

Какъ я страдалъ, какъ сердце мнѣ терзали
Моей любви разбитыя мечты.

Мѣшайте спать ей въ мракѣ темной ночи,
Взволнуйте страстью грудь и влейте въ сердце ядъ,

Взгляните ей въ чарующія очи:
Тамъ тоже двѣ звѣзды спокойныя горятъ.

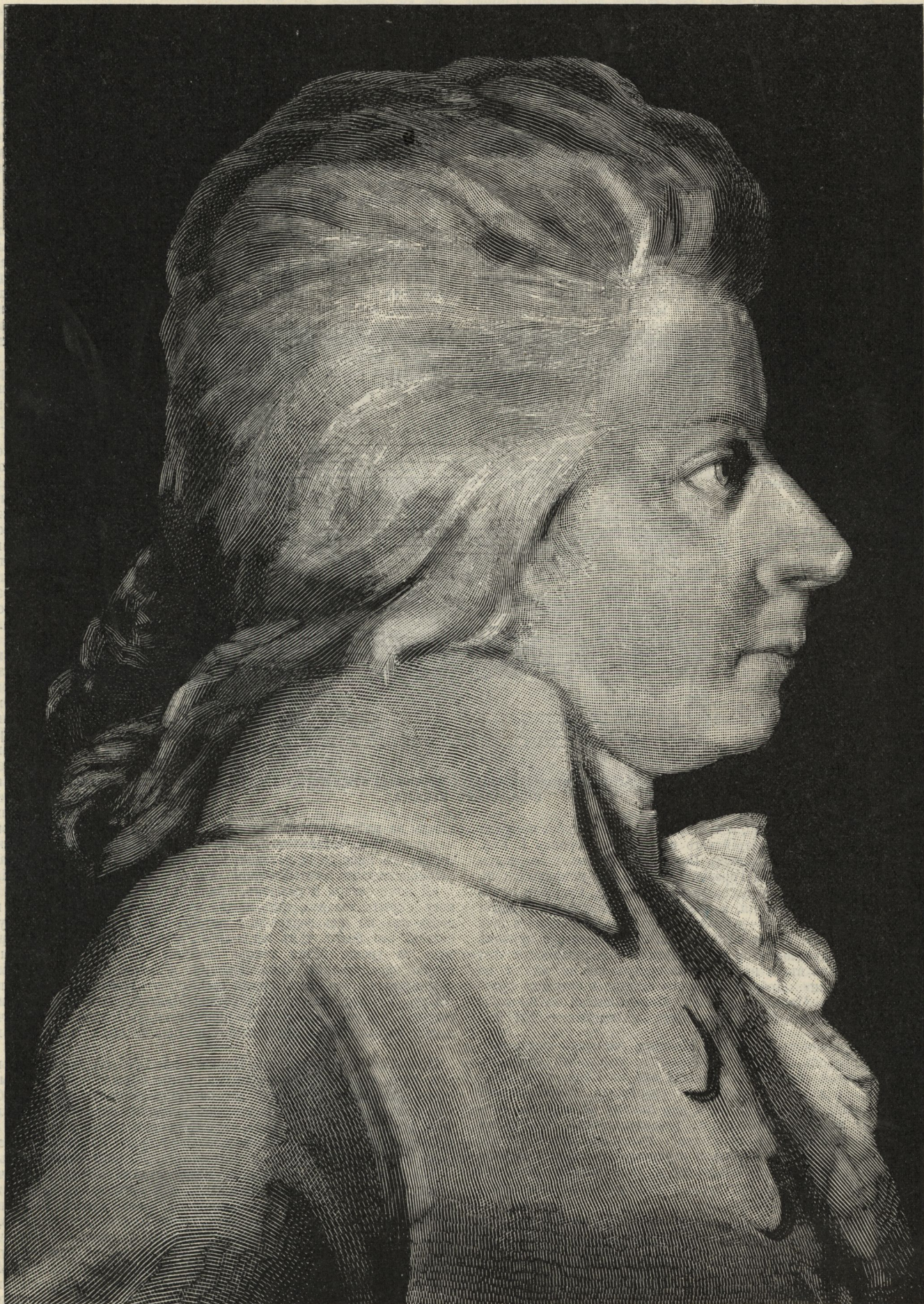
Воспоминаніемъ минувшаго волнуя,
Въ странѣ иной, съ лазоревыхъ полей—

Скажите ей, кто жаждетъ поцѣлуя,
Напомните, кто мучится по ней.

Н. Ясевичъ.

Джеральдина Фарраръ. Картина Ф. Каульбаха, авт. «Нивы».

Стопятидесятилѣтіе дня рожденія Моцарта. Моцартъ на тридцатомъ году жизни.
Съ пастели неизвѣстнаго художника, найденной въ 1893 г. профессоромъ Тильгнеромъ.

Къ 150-лѣтію дня рожденія Моцарта.

Черты изъ жизни великаго композитора.

В. С. Баскина. (Съ портретомъ, 2 рисунками и факсимиле нотъ).

Небольшіе, отрывистые факты, собранные воедино, иной разъ болѣе говорятъ, чѣмъ обширныя статьи. Сказать теперь что-либо новое о дѣятельности и значеніи Вольфганга-Амедея Моцарта, — этого величайшаго музыкальнаго гения, — по поводу исполненія 150 лѣтъ со дня его рожденія (род. 27 января 1756 г.), — не представляется никакой возможности, особенно если вспомнить всю литературу написанную о немъ и объ его произведеніяхъ на всѣхъ языкахъ. Думаемъ поэтому ограничиться отдѣльными фактами, характеризующими эту гениальную личность.

Моцарту всего было три года, когда отецъ его, Леопольдъ Моцартъ (извѣстный музыкантъ, оставившій скрипичную школу), началъ давать ему, по настояніямъ ребенка, уроки игры на клавесинѣ. До этого возраста Вольфгангъ обнаружилъ крайнюю чувствительность; если онъ въ шутку получалъ отъ родныхъ и знакомыхъ отрицательный отвѣтъ на его постоянный вопросъ: «любятъ ли его», то начиналъ плакать. Въ это время онъ уже по цѣлымъ часамъ занимался подбораніемъ созвучій, и его лицо выражало восторгъ, когда ему удавалось отыскать терцію. Отецъ рѣшился сдѣлать опытъ: онъ предложилъ Вольфгангу очень коротенькій менуэтъ; чрезъ полчаса онъ его сыгралъ точно и ритмично. Не прошло еще и года, какъ юный гений сталъ диктовать своему учителю пьесы своего сочиненія (мелодіи), не умѣя еще написать ни одной ноты. Чрезъ два года онъ могъ соперничать съ хорошими виртуозами.

Однажды (Моцарту было седьмой годъ) отецъ вошелъ къ нему въ комнату со своимъ пріятелемъ. — «Что ты тамъ дѣлаешь?» — «Пишу концертъ для клавесина; первая часть скоро будетъ готова». — «Посмотрите, — сказалъ пріятель: — какъ всѣ правила сочиненія точно соблюдены; только врядъ ли это исполнимо, — такъ это трудно». — «На то это и концертъ!» — живо отвѣтилъ обрадованный похвалой мальчикъ.

Леопольдъ Моцартъ предпринялъ артистическое турнѣе со своими дѣтьми, Наннерль (Марія-Анна, талантливая піанистка) и Вольфгангомъ; дѣти, конечно, всѣхъ приводили въ восторгъ и играли неоднократно при дворѣ австрійскаго императора Франца I. Всѣ, конечно, восторгались талантомъ Вольфганга, и онъ пользовался вниманіемъ дочерей Маріи-Терезіи. Однажды, съ непривычки къ паркетному полу, Моцартъ поскользнулся и упалъ. Старшая принцесса не обратила вниманія, а младшая, ровесница его, подняла его и стала ласкать. — «Вы — добрая дѣвочка, — сказалъ онъ: — я хочу на васъ жениться». Когда императрица спросила его о причинѣ столь лестнаго предложенія, онъ отвѣтилъ: «Благодарность. Она была добра ко мнѣ въ то время, когда сестра ея ни на что не обращала вниманія». Доброй феей его оказалась будущая французская королева Марія-Антуанетта. Можетъ-быть, она была бы счастливѣе за бѣднымъ Моцартомъ, чѣмъ за Людовикомъ XVI?..

Одинъ изъ учениковъ Леопольда Моцарта написалъ шесть тріо для двухъ скрипокъ и альты. Вольфгангъ, только-что начавшій играть на дѣтской скрипкѣ, подаренной ему въ Вѣнѣ, тоже захотѣлъ играть; не желая отказать, ему разрѣшили играть вмѣстѣ со второй скрипкой, но такъ, чтобы онъ никому не мѣшалъ. Вторую скрипку исполнялъ Шахтеръ, рассказывающій объ этомъ фактѣ. Прислушиваясь къ исполненію мальчика, онъ замѣтилъ, что ребенокъ совершенно правильно играетъ; онъ нарочно смолкъ, предоставивъ играть одному Вольфгангу, и, къ изумленію всѣхъ, онъ всѣ шесть тріо сыгралъ съ листа отъ первой ноты до послѣдней, не пропустивъ ни одного такта.

Во время путешествій семья Моцартовъ конечно попала къ французскому двору, и Вольфгангъ былъ бальовнемъ всѣхъ версальцевъ, не исключая императрицы и самого Людовика XV, этого антипатичнаго челоука, хохотавшаго отъ души, когда ему переводили отвѣты мальчика. Однажды Моцартъ былъ у маркизы де-Помпадуръ, которая обожалась съ нимъ неособенно ласково и отказалась его поцѣловать. Избалованный мальчикъ имѣлъ смѣлость сдѣлать рѣзкое замѣчаніе: «Что она такое, чтобы брезгать поцѣловать меня, — меня, заслужившаго поцѣлуй самой императрицы!»

Вотъ фактъ, характеризующій феноменальную память Моцарта. Въ 1770 г. Моцартъ былъ въ Римѣ. Ватиканъ дорожилъ исключительнымъ обладаніемъ произведеніями, исполнявшимися въ Страстные дни; подъ страхомъ отлученія запрещалось пѣвцамъ переписывать ихъ, уносить домой партіи или показывать постороннимъ лицамъ. Вольфгангъ однако досталъ копію Miserere Аллегри: онъ написалъ ее на память, прослушавъ одинъ разъ; когда ее исполнили вторично въ Страстную пятницу, онъ исправилъ нѣкоторыя неточности и, по сличеніи списковъ современемъ, не оказалось ни одной ошибки. Это что-то дѣйствительно невѣроятное.

Миланъ былъ первымъ городомъ, въ которомъ Моцартъ выступилъ опернымъ композиторомъ; здѣсь впервые поставлена была четырнадцатилѣтнимъ авторомъ подъ его личнымъ управленіемъ первая опера «Mitridate re di Ponto» и съ этого времени къ успѣхамъ юнаго гения начинаетъ примѣшиваться ядъ зависти композиторовъ, всячески старавшихся все болѣе и болѣе умалить достоинства этого «нѣмца-молокососа» и, насколько возможно, тѣмъ или инымъ путемъ, вредить необыкновенной репутаціи, гремѣвшей по всей Европѣ.

Несмотря ни на что, опера имѣла колоссальный успѣхъ; кри-

ки «Evviva il maestrino» (да здравствуетъ маленький композиторъ) не прекращались въ театрѣ въ теченіе всѣхъ спектаклей. «Gazetta di Milano» отъ 2-го января 1771 г. писала: «Нѣсколько арій, свѣтлыхъ синьорой Бернаскони, живо изображаютъ страсти, волнующія дѣйствующее лицо, и трогаютъ до глубины души.

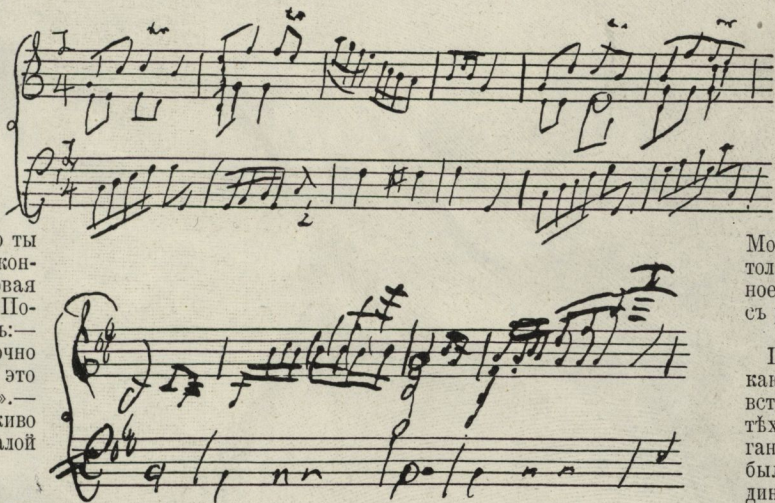
Молодой композиторъ, имѣющій только 14 лѣтъ, изучаетъ прекрасное съ натуры и изображаетъ его съ рѣдкой граціей и умѣньемъ».

Переставъ восхищать всѣхъ, какъ Wunderkind, Моцартъ вслѣдъ встрѣчалъ отпоръ со стороны тѣхъ, которые боялись этого гиганта мысли и духа; особенно былъ онъ мало признанъ на родинѣ, какъ это обыкновенно водится. Послѣ неудачи въ Мангеймѣ, Моцартъ намѣревался снова отправиться въ турнѣе, но его удержали на родинѣ, обещая разные

заказы на работы; нужда заставила соблазниться, и вотъ что мы, между прочимъ, читаемъ въ письмѣ его къ отцу, изъ повиновенія къ которому онъ никогда не выходилъ и которому онъ обо всемъ сообщалъ (перепиסקа даетъ богатый матеріалъ для характеристики этого гения):

«Я композиторъ и рожденъ, чтобы быть капельмейстеромъ; я не могу скрыть таланта, такъ щедро мнѣ дарованнаго Богомъ (я говорю это не изъ гордости, а потому, что въ настоящую минуту сознаю это болѣе, чѣмъ когда-либо), а это случится, если я примусь за уроки. Меня теперь особенно тянетъ писать оперы и скорѣе французскія, чѣмъ нѣмецкія, и лучше итальянскія, чѣмъ французскія (это было время господства итальянской оперы повсюду). У Вендлица (капельмейстера Мангеймскаго оркестра) всѣ говорятъ, что моя музыка очень понравится въ Парижѣ, потому что я легко подлаживаюсь подъ манеру и стиль всякихъ композиторовъ.

Пребываніе Моцарта въ Парижѣ въ 1778 г. далеко не было для него такимъ триумфальнымъ, какъ первое; восторги были очень умѣренные; къ тому же онъ тутъ потерялъ горячо любимую мать, сопровождавшую его; онъ искренно обрадовался, получивъ отъ отца извѣстіе о томъ, что ему удалось устроиться хотя и на худшихъ условіяхъ, на родинѣ, у зальцбургскаго монашьяра Коларедо и кстати пристроить и Вольфганга. До чего была печальна судьба музыкантовъ въ то время, можно судить по тому факту, что семья, состоявшая изъ трехъ челоуекъ, — изъ коихъ одинъ былъ авторомъ руководства, признаннаго превосходнымъ во всей Германіи, другая — первоклассной піанисткой, гремѣвшей по всей Европѣ, а третій носилъ имя «Вольфгангъ Моцартъ», считала себя счастливой, что завоевала положеніе, дающее въ годъ около двухъ тысячъ флориновъ! Но и эта радость недолго длилась для Моцарта. Извѣстно грубое обращеніе съ нимъ монашьяра, доходившее до брани («мошенникъ», «мерзавецъ») и заставившее его чрезъ два года подать въ отставку. По рассказамъ очевидцевъ, этотъ монашьяръ однажды собственноручно вытолкнулъ изъ кабинета автора тогда уже существовавшего «Идомея».

Къ 150-лѣтію дня рожденія Моцарта. Факсимиле изъ нотной тетради 8-ми-лѣтняго Моцарта.

Любопытны взгляды Моцартовъ отца и сына—на композицію. Леопольдъ пишетъ сыну: «Я тебѣ совѣтую, работая, не думай только о знатокахъ; ихъ бываетъ десять на сто невѣждъ; не забывай же толпы; надо пощекотать и длинные уши». Такъ пишетъ практикъ-музыкантъ, испытавшій удары судьбы и жаждущій улучшить положеніе сына (конечно, матеріальное), зная по опыту, насколько тяжело существованіе этихъ профессионалистовъ; вотъ отвѣтъ гения: «Не беспокойтесь о толпѣ; въ моей оперѣ есть музыка для всѣхъ,—только не для длинноухихъ».

Императоръ Іосифъ II возмѣнилъ благое намѣреніе основать національную нѣмецкую оперу рядомъ съ неизбѣжной итальянской и предложилъ Моцарту текстъ оперы: «Похищеніе изъ серала». По этому поводу композиторъ написалъ письмо, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ: «Музыка даже въ самыхъ ужасныхъ драматическихкихъ положеніяхъ должна всегда плѣнять слухъ, всегда оставаться музыкой». Опера имѣла успѣхъ, но недоброжелатели однако успѣли повліять на расположеніе императора, что видно изъ его замѣчанія Моцарту послѣ «Свадьбы Фигаро»: «Ужасно много нотъ, милый Моцартъ», на что послѣдовалъ извѣстный его отвѣтъ: «Ни одной лишней, государь».

Во время пребыванія Моцарта въ Вѣнѣ, въ 1784 г., пріѣхала извѣстная въ свое время скрипачка Стрикацки; желая выступить съ чѣмъ-либо новымъ, она попросила Моцарта написать для нея сонату, которую она бы съ нимъ и сыграла; онъ, по обыкновенію, не отказалъ, но, за отсутствіемъ времени или расположенія писать, накануне концерта композиторъ еще не принимался за сонату. Вдругъ явилась къ нему концертантка и заставила его засѣсть за работу; ей предстояло выучить за одну ночь нѣкую сонату. Утромъ Моцартъ на репетицію, конечно, не явился, и концертантка въ отчаяніи, что ей приходится играть предъ дворомъ новую вещь, акомпаниментъ которой ей совершенно неизвѣстенъ.

Наступаетъ вечеръ является Моцартъ; всякія объясненія излишни; оба выходятъ на эстраду съ нотами въ рукахъ. Концертъ приводитъ въ восторгъ слушателей. Одинъ только императоръ отнесся скептически и спросилъ ноты для фортепiano; ему подають чистую нотную бумагу, раздѣленную по тактамъ (Моцартъ не нашелъ времени набросать на бумагу имѣвшуюся у него въ головѣ фортепiанную партію).

— Какъ! Вы рѣшились?..—спросилъ императоръ.

— Да, государь, но ни одной ноты не доставало, — отвѣтилъ Моцартъ.

Мнѣніе Гайдна о Моцартѣ. Однажды послѣ исполненія нѣкоторыхъ квартетовъ Моцарта, Гайднъ, превратившись изъ учителя Моцарта въ ученика его, подошелъ къ отцу, Леопольду, и сказалъ ему: «Я, какъ предъ Богомъ и какъ честный человѣкъ, говорю вамъ, что вашъ сынъ самый великій композиторъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ бывшихъ».

Когда къ Гайдну обратились изъ Праги съ просьбой написать комическую оперу, онъ между прочимъ писалъ: «...это сильно рискованно, потому едва ли кто можетъ стать на ряду съ великимъ Моцартомъ. Ибо если бы я могъ передать всѣмъ любителямъ музыки, особенно же вельможамъ, то музыкальное разумѣніе и ту глубину чувства, съ которыми я понимаю и ощущаю все величіе неподражаемыхъ твореній Моцарта, то народы оспаривали бы другъ у друга обладаніе такимъ сокровищемъ». Съ другой стороны, и Моцартъ ставилъ Гайдна выше всѣхъ композиторовъ: «Ни одинъ изъ насъ не можетъ сдѣлать то, что Іосифъ Гайднъ: дѣтски рѣзвиться и потрясать душу, вызывать смѣхъ и глубокое умиленіе,—и все одинаково хорошо».

«Свадьба Фигаро», благодаря интригамъ и недоброжелателямъ, почти не имѣла успѣха въ Вѣнѣ, но очень понравилась въ Прагѣ; это чрезвычайно ободрило Моцарта, и онъ сказалъ: «Такъ какъ пражцы меня такъ хорошо понимаютъ, то я для нихъ специально напишу новую оперу». По возвращеніи въ Вѣну, онъ нашелъ у своего либреттиста Да-Понте (передѣлавшаго упомянутую комедію Бомарше для оперы) Донъ-Жуана, обработаннаго по Тирсо-де-Мо-

лина («El conviado di piedra» — Каменный гость), Гольдони и Мольеру («Le Festin de Pierre»), подъ заглавіемъ: «Il dissoluto punito (Наказанный развратникъ) ossia Don Giovanni»; за это произведеніе Моцартъ и принялся со свойственнымъ ему рвеніемъ къ творчеству, и опера вскорѣ была совершенно готова.

Послѣ одной изъ репетицій въ Прагѣ, онъ пошелъ гулять съ дирижеромъ оркестра, Кухарцемъ.

— Ну, какъ вы думаете, понравится музыка «Донъ-Жуана» такъ же, какъ «Фигаро»?

— Можно ли сомнѣваться? Музыка красива, оригинальна, глубоко прочувствована. Все, что исходитъ отъ Моцарта, не можетъ не понравиться чехамъ.

— Ваша увѣренность меня успокаиваетъ: вы знатокъ. Но вѣдь и я не жалѣю трудовъ, чтобы сдѣлать что-либо выдающееся для вашей публики. Вообще очень ошибаются, думая, что искусство мнѣ такъ легко дается. Повѣрьте, мой другъ, что изученіе композиціи никого не занимало болѣе серьезно, чѣмъ меня. Вы не найдете ни одного извѣстнаго автора, котораго бы я не изучилъ со вниманіемъ, часто въ нѣсколько пріемовъ.

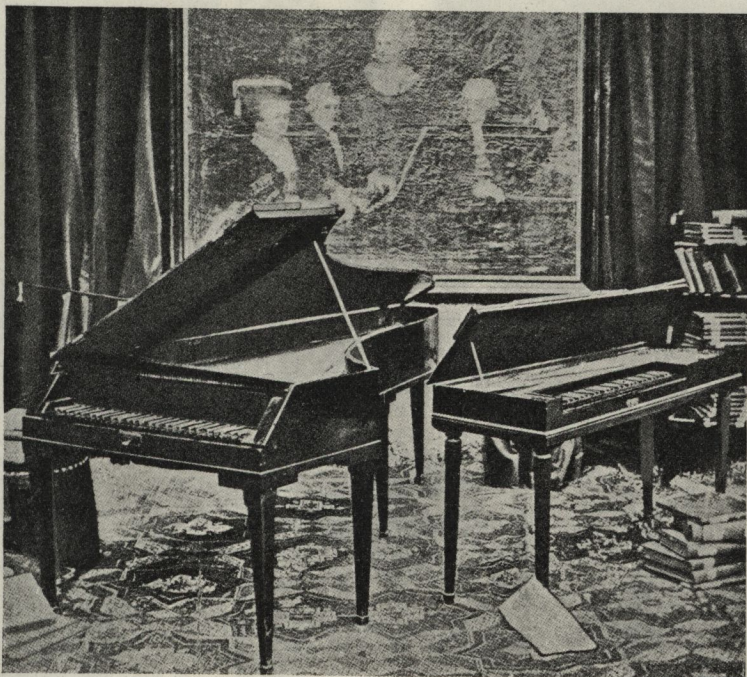
Опера была совсѣмъ уже готова; авторъ позабылъ только объ увертюрѣ; ему напомнили объ этомъ утромъ въ день перваго представленія. Къ началу спектакля оркестровыя партіи, еще сырыя

и покрытыя пескомъ, были розданы музыкантамъ; ее пришлось исполнить съ листа, безъ единой репетиціи. Можно ли повѣрить, что знаменитая увертюра къ «Донъ-Жуану» написана и оркестрована за четыре часа до спектакля? Но когда рѣчь идетъ о Моцартѣ, то сомнѣніямъ нѣтъ мѣста.

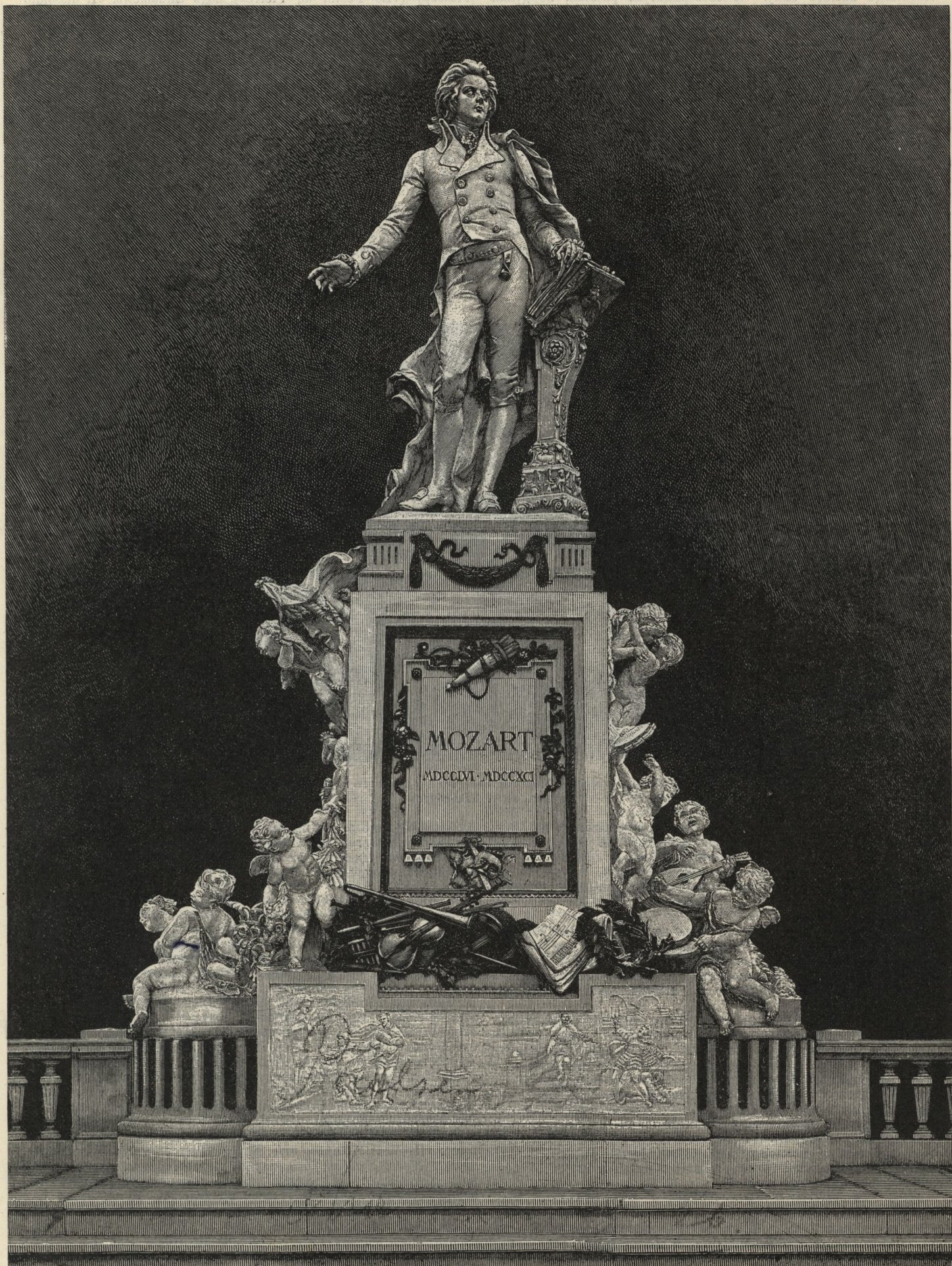
Моцартъ былъ крайне недоволенъ въ то время очень популярными въ Вѣнѣ итальянцами, исполнявшими его произведенія; не высоко ставилъ онъ и итальянскихъ композиторовъ, среди которыхъ особенно видное мѣсто занималъ Сальери, завидовавшій славѣ Моцарта и всячески старавшійся умалить его значеніе (кстати, легенда о томъ, будто онъ отравилъ Моцарта, ни на чемъ не основана). Однажды Моцартъ высказалъ свое неудовольствіе послѣ одного изъ исполненій «Донъ-Жуана», имѣвшего въ Вѣнѣ средній успѣхъ (всѣ восторгались въ это время «Ассуромъ» Сальери): «Мои сочиненія искажаются слишкомъ быстрымъ темпомъ. Они

воображаютъ, что этимъ придають имъ огонь. О, если въ самомъ сочиненіи нѣтъ огня, то скорый темпъ имъ не поможетъ. Они скачутъ, закусивъ удила, или же дѣлають трели и рулады, потому что не умѣють держать ноту».

Моцартъ однажды пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ въ этотъ вечеръ давалось «Похищеніе изъ серала»; не передѣвши, онъ спѣшитъ въ театръ, достаетъ какое-то мѣсто въ глубинѣ партера. Слушаетъ, слушаетъ и вдругъ начинаетъ высказывать свои сужденія вслухъ: «здѣсь не тотъ ритмъ, тутъ пропущены такты, тамъ добавлены фразы...» Сначала критика ограничивается жестами и ворчаніемъ, затѣмъ онъ забывается, встаетъ и начинаетъ пробираться къ оркестру, толкая сосѣдей, встаетъ и начинаетъ пробираться зубы мотивы, поправляя пѣвцовъ и испуская при каждой ошибкѣ энергичное словцо. Публика начинаетъ слѣдить за оригинальнымъ субъектомъ тшедушнаго вида, въ дорожномъ, потертомъ платьѣ; нѣкоторые смѣются ему въ лицо, другіе сердятся; начинаютъ поговаривать о томъ, чтобы вывести нахала, мѣшающаго своимъ неумѣстнымъ поведеніемъ слушать музыку Моцарта; а онъ тѣмъ временемъ, ничего не замѣчая и никого не видя, идетъ впередъ... Скрипки въ оркестрѣ въ одномъ мѣстѣ берутъ *re* дѣзъ; при этой варварской нотѣ въ данномъ аккордѣ Моцартъ вскрикиваетъ во все горло: «Проклятіе, берите *re*!». Капельмейстеръ и музыканты оглянулись и остоленѣли: они узнали автора. Музыканты и публика устраиваютъ ему овацію; пѣвцы отказываются продолжать оперу, особенно струсила главная примадонна. Композиторъ отпавляется на сцену, беретъ за руку сконфуженную пѣвицу и говоритъ ей при всей публикѣ: «Что за пустяки, сударыня; вы очень, очень хорошо поете, а чтобы вы лучше пѣли въ другой разъ, я самъ съ вами завтра пройду вашу партію». Спектакль былъ спасенъ отъ скандала, и опера благополучно была окончена къ удовольствію публики, устроившей «странному субъекту» шумную овацію.

Къ 150-лѣтію дня рожденія Моцарта. Клавесинъ и спинеттъ въ Моцартовскомъ музеѣ, въ г. Зальцбургѣ.

Къ 150-лѣтію дня рожденія Моцарта. Памятникъ Моцарту въ Вѣнѣ.

До чего Моцартъ былъ далекъ отъ практической жизни и вообще отъ заботъ объ улучшении своего положенія, можетъ служить слѣдующій фактъ, рассказываемый біографомъ Ниссеномъ, женившимся на вдовѣ Моцарта. Императоръ Фридрихъ-Вильгельмъ II предложилъ ему управлять его капеллой, считавшейся одной изъ первыхъ въ Европѣ. На вопросъ императора, какого онъ о ней мнѣнія, Моцартъ отвѣтилъ: «она обладаетъ самымъ многочисленнымъ собраніемъ виртуозовъ, я никогда не слышалъ такого исполненія квартетовъ; но, когда всѣ эти господа вмѣстѣ, они могли бы играть лучше».

— Останьтесь у меня,—сказалъ императоръ:—и эти господа будутъ лучше играть. Я вамъ предлагаю 3000 талеровъ.

И Моцартъ, получавшій только 800 флориновъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ расположеніемъ и лестнымъ предложеніемъ, отвѣтилъ слѣдующее:

— Могу ли я покинуть моего добраго повелителя?

Императоръ, знавшій, что его добрый повелитель весьма часто оставляетъ его безъ куска хлѣба, тронутый такой его преданностью, прибавилъ:

— Подумайте хорошенько, я сдержу свое слово, хотя бы вы одумались черезъ много времени.

Но Моцартъ никогда не одумался; онъ жилъ исключительно искусствомъ...

«Вторая половина послѣдняго года жизни Моцарта (1791) была временемъ сверхчеловѣческой плодотворности и вдохновенія, которое одно могло бы прославить самую плодотворную дѣятельность другаго композитора»,—такъ говоритъ Улыбышевъ («Новая біографія Моцарта» въ 3 томахъ, изд. Юргенсона). Рѣчь идетъ объ одновременномъ почти созданіи «Волшебной флейты», «Милосердія Тита» и знаменитаго «Requiem'a», написанныхъ съ такими различными настроеніями изнуреннымъ, больнымъ, почти умирающимъ, композиторомъ. Остановимся сначала на исторіи «Волшебной флейты».

Былъ въ Вѣнѣ нѣкій Шиканедеръ, антрепренеръ, актеръ, либреттистъ, хореографъ, композиторъ и, главное, аферистъ, не брезгавшій никакими средствами ради наживы. Изучивъ добрую натуру Моцарта, онъ однажды является къ нему и, состроивъ мрачную мину, начинаетъ съ пафосомъ излагать критическое положеніе, въ которомъ онъ очутился со своей труппой.

— Чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Напишите для моего театра оперу совсѣмъ въ современномъ вкусѣ вѣнцевъ...

— Хорошо, я согласенъ.

— Какое же вознагражденіе вы съ меня возьмете?

— Да у васъ нѣтъ ни пфенига. Вотъ что: такъ какъ я хочу помочь вамъ выйти изъ затруднительнаго положенія, но съ другой стороны и самъ не могу работать даромъ, то я вамъ предлагаю слѣдующее. Я вамъ отдамъ мою партитуру; вы мнѣ за нее дадите, что хотите, но съ условіемъ, что вы никому не позволите ее переписать. Если опера будетъ имѣть успѣхъ, я вознагражу себя, продавая партитуру другимъ театрамъ.

Можно себѣ представить радость Шиканедера. Моцартъ работалъ день и ночь: опера, наконецъ, была готова, поставлена и имѣла колоссальный успѣхъ почти на всѣхъ германскихъ сценахъ одновременно: «Волшебная флейта» дѣлала вездѣ полные сборы, но композиторъ не получилъ ничего за свою оперу. Ни одинъ изъ антрепренеровъ не обращался къ Моцарту. Произведеніе, обогатившее антрепренеровъ и копистовъ, особенно же Шиканедера, не принесло ничего своему создателю. Когда Моцартъ узналъ о продажахъ ловкаго гешефтмахера, онъ воскликнулъ протестующе: «Lump» (негодяй), и на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, обѣдалъ съ нимъ у себя дома.

О быстротѣ творчества Моцарта самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ можетъ служить опера: «Милосердіе Тита», созданная въ восемнадцать дней, между «Свадьбой Фигаро» и его лебединой пѣсней—«Requiem'омъ», требующими такого разнообразнаго настроенія. Впрочемъ, извѣстно, что Моцартъ работалъ и творилъ всегда и вездѣ: у постели больной жены, въ каретѣ, за дружеской пирушкой и даже за бильярдомъ, на которомъ онъ страстно любилъ играть. Такъ, однажды, стоя за бильярдомъ, онъ вдругъ сталъ напѣвать про себя «him, him»; когда приходилъ чередъ партнера, Моцартъ вынималъ клочокъ бумажки и что-то записывалъ; прошло нѣсколько дней, и онъ сказалъ: «Теперь пойдемте слушать» и сыгралъ своимъ друзьямъ квинтетъ перваго дѣйствія «Волшебной флейты», начинающійся «him, him», которое изображаетъ временную нѣмоту Попачено, постигнутою его за ослушаніе фей.

Съ небывалымъ рвеніемъ торопился Моцартъ съ «Requiem'омъ», точно боясь, что онъ не успѣетъ его окончить, какъ оно и случи-

лось на самомъ дѣлѣ; его усилія работать росли вмѣстѣ со слабостью и припадками дурноты и меланхоліей. Жена повезла его однажды въ Пратеръ погулять, и тутъ онъ ей сказалъ роковыя слова: «Я пишу этотъ «Requiemъ» для самого себя. Очень немного дней осталось мнѣ жить, я это слишкомъ чувствую. Меня отравили».

Эти послѣднія слова онъ, по всей вѣроятности, сказалъ въ переносномъ смыслѣ, то-есть, что его отравляли нужда, необеспеченность, истощеніе силъ, недоброжелатели, вредившіе ему, гдѣ только могли, преслѣдованіе кредиторовъ, завистники по профессіи и пр., а многіе приняли эти слова въ буквальномъ смыслѣ, и это создало дѣльную легенду, опроверженную впоследствии документально. Также лишены фактическаго основанія и слова Моцарта, произнесенныя имъ на смертномъ одрѣ: «Какъ! Именно теперь я долженъ умереть? Умереть, когда, наконецъ, могу жить спокойно? Оставить мое искусство, когда я избавился отъ спекуляторовъ и освободился отъ рабства моды, когда мнѣ можно будетъ работать, какъ меня вдохновитъ Богъ и мое сердце! Покинуть мою семью, моихъ бѣдныхъ дѣтей, въ тотъ мигъ, когда я получилъ возможность лучше о нихъ заботиться! Развѣ я ошибся, сказавъ, что я пишу «Requiemъ» для себя?»

Дѣло въ томъ, что, когда Моцартъ, съ распухшими руками и ногами, въ параличѣ, слегъ на свое послѣднее ложе, ему принесли бумагу о назначеніи его на мѣсто капельмейстера собора св. Стефана (въ Вѣнѣ).

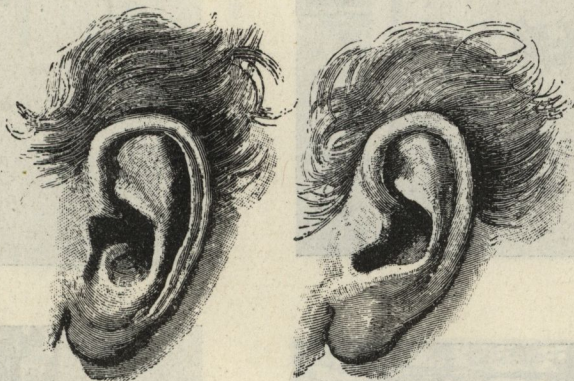
Моцарта не на что было хоронить, и его бросили въ общую яму для нищихъ; такимъ образомъ, могила величайшаго музыкальнаго гения осталась неизвѣстной для потомства; когда потомъ хотѣли поставить памятникъ ему, то кладбищенскій сторожъ не могъ указать не только останковъ Моцарта, но даже и мѣста, куда его бросили. Тѣмъ не менѣе къ Моцарту вполне примѣнимы слова Гейне о Шекспирѣ, что въ немъ созданы три единства: дѣйствія (самъ Моцартъ), мѣста (земной шаръ) и времени (вѣчность). Невольно вспоминается восклицаніе величайшаго музыканта нашего времени, А. Г. Рубинштейна, въ его книгѣ: «Музыка и ея представители»: «Божественное творчество, все залито свѣтомъ! Я бы вообще готовъ былъ сказать: вѣчный солнечный свѣтъ въ музыкѣ,—имя тебѣ Моцартъ».

Если справедливъ афоризмъ Шумана, что «плодотворность признакъ гения», то нужно сознаться, что прямо невѣроятна плодотворность Моцарта, въ которой чудесное по количеству оспариваетъ первенство у чудеснаго по качеству; вотъ въ сжатомъ видѣ оставленное этимъ гениемъ въ наслѣдіе человечеству: 1) Церковная музыка (мессы, ораторіи, кантаты, псалмы, Requiem и пр.—всего 36 произведеній), 2) Ораторіи, 3) Театральная музыка (15 оперъ, нѣсколько балетовъ, интермедій, антракты и пр.; сюда же относятся 43 арій, дуэтовъ, тріо и пр.), 4) Инструментальная музыка для оркестра (41 симфонія и 15 отрывковъ увертюръ), 5) Концертная музыка (29 фортепьянныхъ концертовъ, 5 скрипичныхъ, 6 для волторновъ и 41 дивертиссементъ «Concerti grossi» и пр.), 6) Камерная музыка (10 струнныхъ тріо, 28 струнныхъ квартетовъ, 8 квинтетовъ съ участіемъ фортепьяно, 23 тріо и 5 квартетовъ), 7) вокальная музыка (16 каноновъ, кантаты, нѣсколько сборниковъ нѣмецкихъ и итальянскихъ пѣсень), 8) Танцевальная музыка (36 менуэтовъ, 49 нѣмецкихъ танцевъ, 27 контрдансовъ, много вальсовъ и пр.), 9) Военная музыка (марши, фанфары, пѣсы для трубъ и литавръ), 10) учебная музыка (сольфеджіо, сонатины, фуги, каноны, этюды, экзерсисы, сокращенный учебникъ генераль-баса и пр.) и 11) Аранжировки изъ произведеній Генделя: «Мессія», «Апій и Галатея», «св. Цецилія» и «Праздникъ Александра». Мы не включили еще серенадной музыки, бывшей въ то время въ болѣе модѣ. Всѣхъ произведеній, включая въ ихъ число и такія, которыя содержатъ по 600—700 страницъ, насчитываютъ до 800; онъ среднимъ числомъ писалъ по 32 сочиненія въ годъ. Въ Моцартѣ все сверхъестественно:—и жизнь его, и дѣятельность, и тяжкая судьба (большинство сочиненій пришлось писать по заказу, изъ-за куска хлѣба), и роль въ искусствѣ; это дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ—феноменальное явленіе; это въ полномъ смыслѣ слова—«Weltkomponist», въ которомъ слилось все, что существовало до него въ музыкѣ нѣмецкой, французской и итальянской.

Царевна-Лягушка. (Рис. на стр. 49).

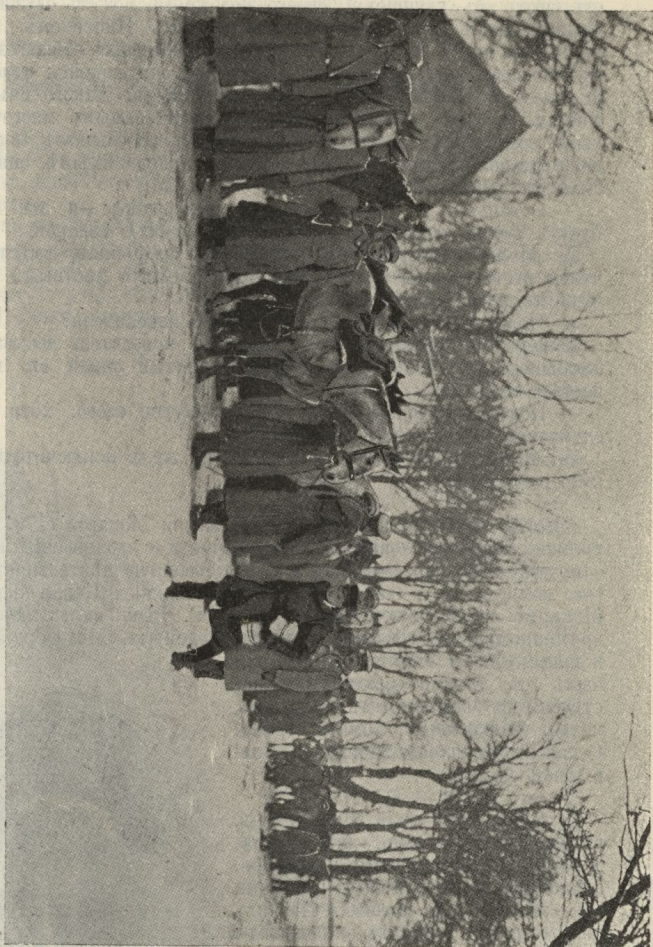
Животный эпосъ, какъ извѣстно, играетъ большую роль въ сказкахъ. Животныя, надѣленные человѣческимъ разумомъ и рѣчью, вступающія въ нихъ на арену совмѣстной дѣятельности съ людьми и нерѣдко (такова иронія сказокъ!) оказываются лучше, умнѣе и благороднѣе людей.

Нерѣдко также такіе животныя оказываются настоящими людьми, превращенными временно силою волшебства въ звѣрей. Въ идеѣ

Ухо Моцарта.

Ухо обыкновенное.

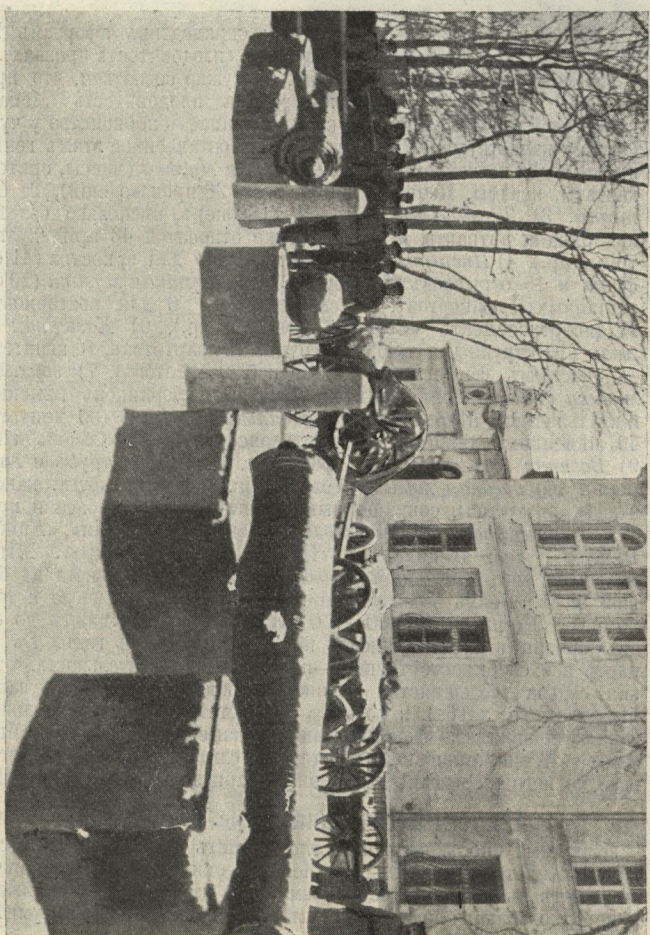
Драгунский полк на охрану замка.

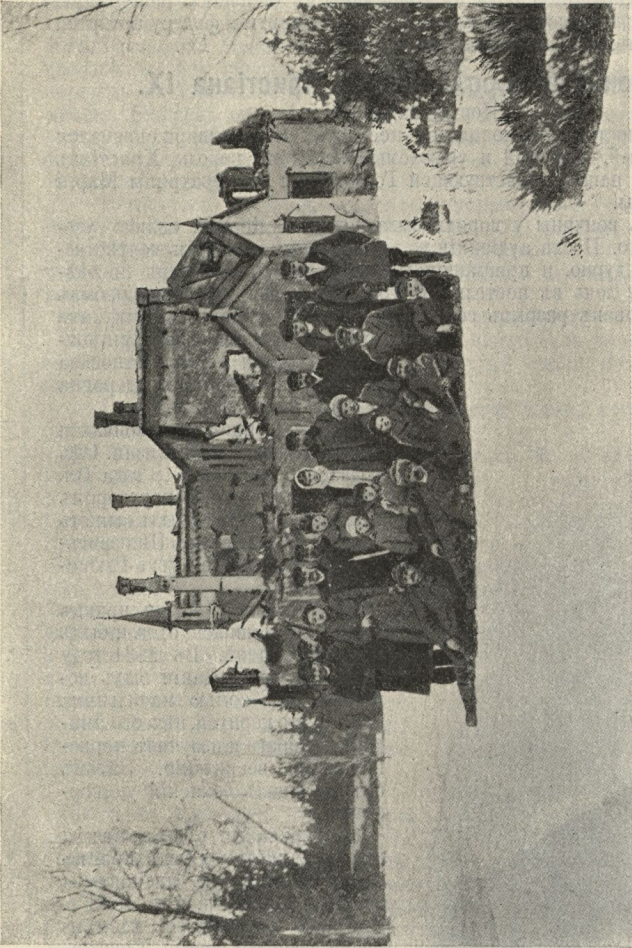
Общий видъ замка до разрушенія.

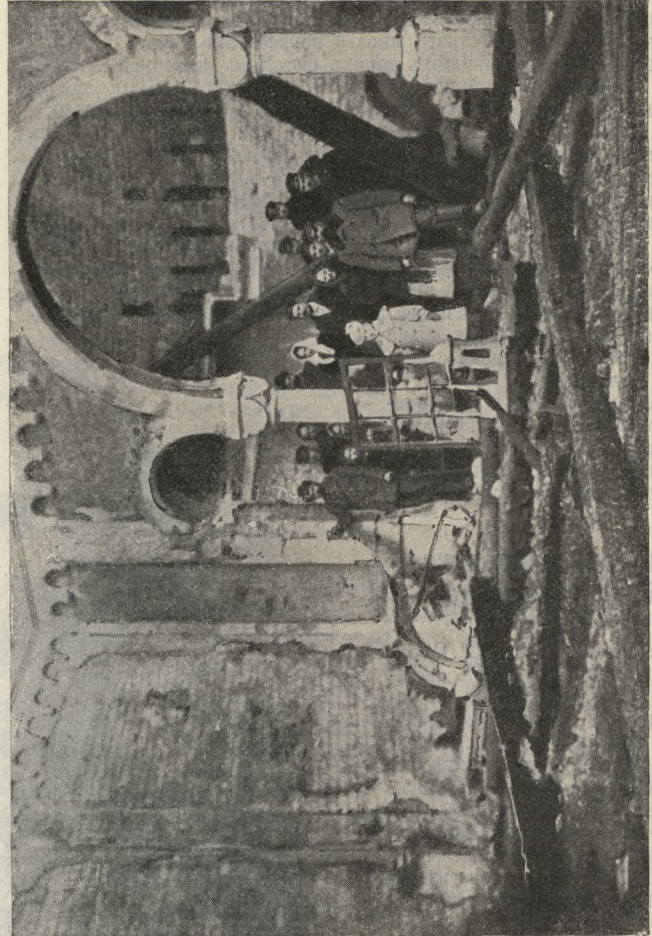
Пойманный революционеръ.
**Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Кокенгузенъ, захваченный революціонерами и затѣмъ отнатый обратно
 приывшими войсками. По фот. спеціального корреспондента Н. Булла, арт. «Нивы».**

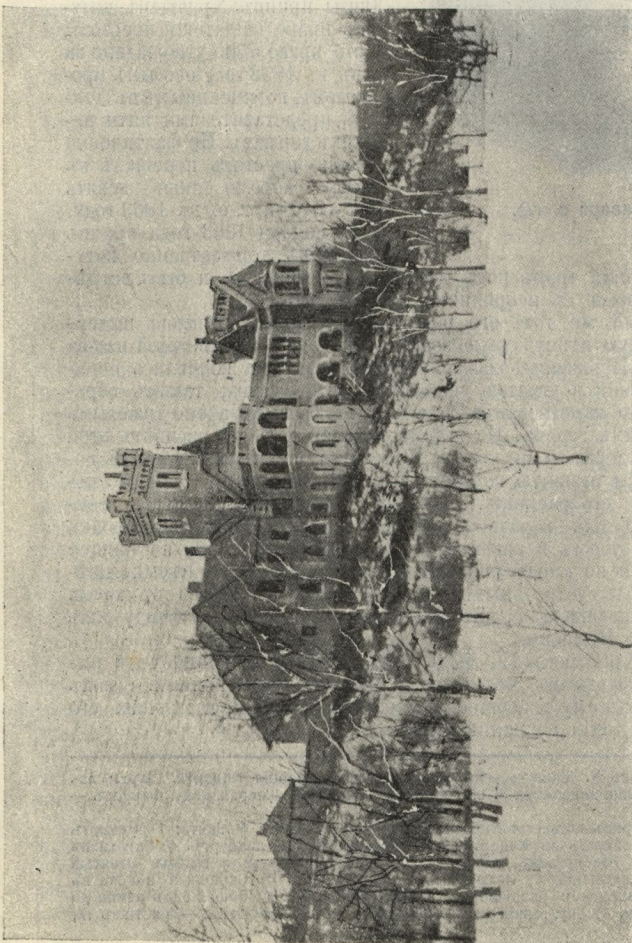
Охраняя войска въ замкѣ.

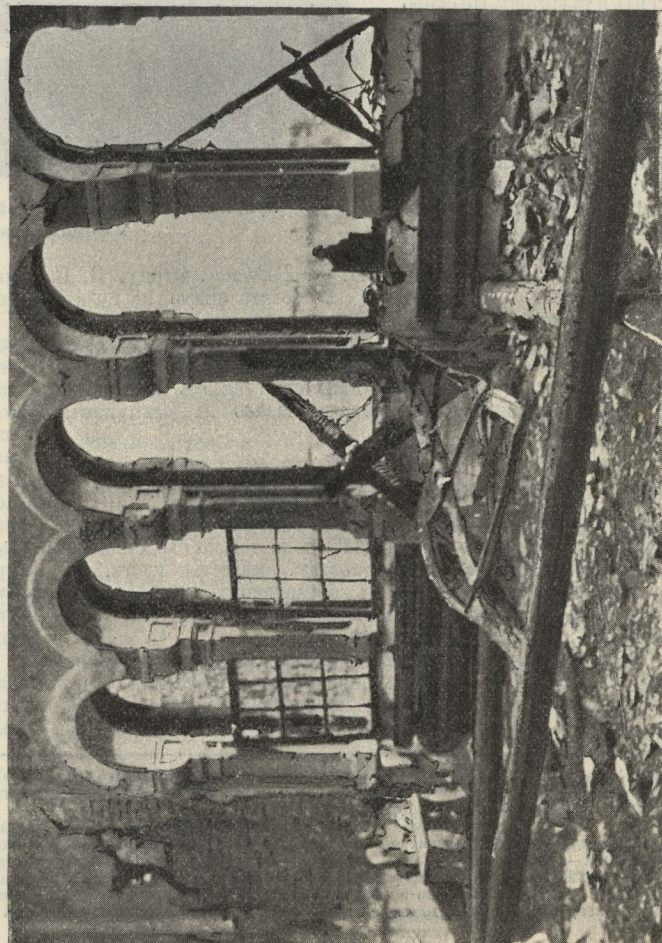
Все, что осталось оть замка—развалины и персоналъ.

Внутренній видъ замка послѣ его разрушенія.

Общій видъ замка до разрушенія.

Разрушеннй залъ замка.

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Ремерсгофъ, принадлежащій барону фонъ-Сиверсу и разрушенный революціонерами.
По фот. спеціального корреспондента К. Булла, авт. «Нивы».

такой взаимной связи существованія человека съ животнымъ, въ представленіи о такомъ переходѣ изъ бытія человѣческаго въ бытіе звѣрино, многіе ученые изслѣдователи сказокъ, по справедливости, видятъ отраженіе извѣстнаго міа о переселеніи душъ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ такихъ сюжетовъ сказочной литературы является весьма популярная въ мірѣ дѣтей «Царевна-Лягушка». Эта интересная особа фигурируетъ во многихъ сказкахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и при весьма различныхъ обстоятельствахъ. Вариации этой сказки безконечны. Царевна-Лягушка является то женою королевича, то домовитой хозяйкой въ фантастическомъ лѣсномъ царствѣ, то играетъ роль доброй феи—утѣшительницы и покровительницы дѣтей. И всегда въ концѣ концовъ она оказывается падчерицей злой царицы, которая по злобѣ превратила ее изъ человека въ лягушку. Царевна-Лягушка отличается умомъ, добрымъ нравомъ и иными добродѣтелями, и въ результатѣ ея разнообразныхъ жизненныхъ похожденій ея добродѣтель торжествуетъ надъ злыми чарами, и лягушка снова становится человекомъ.

Сказочный образъ этой царевны послужилъ художнику Бауку сюжетомъ для изящной картинки, которую мы воспроизводимъ въ настоящемъ № нашего журнала.

Рисунки академика Н. С. Самокиша.

(Стр. 52 и 53).

Извѣстный баталистъ Н. С. Самокишъ былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, во время минувшей русско-японской войны, и предъ нимъ воочию прошли грозныя и жуткія картины сраженій и вся бытовая обстановка войны. Поэтому всѣ иллюстраціи и рисунки его, изображающіе различные моменты изъ военного времени, проникнуты истинною «правдою жизни» и производятъ сильное впечатлѣніе.

Долго еще будетъ памятна намъ эта тяжелая война, отнявшая у Россіи такъ много людей, силъ и талантовъ. Не скоро изгладится изъ народной памяти кровавый дальневосточный походъ, потребовавшій такой массы жертвъ и оставившій послѣ себя такой страшный слѣдъ смерти, страданій, увѣчий.

Одинъ изъ рисунковъ Н. С. Самокиша, воспроизведенныхъ въ настоящемъ № «Нивы», изображаетъ выступленіе на передовой позиціи летучаго санитарнаго отряда италмейстера П. В. Родзянко. Отрядъ П. В. Родзянко поставилъ своей задачей дѣйствовать прямо на поляхъ сраженій, оказывая помощь сраженнымъ тутъ же на мѣстѣ ранникамъ, и въ свое время принесъ много пользы, благодаря самоотверженной дѣятельности конныхъ санитаровъ.

Другой рисунокъ («Бой») представляетъ эпизодъ одного изъ сраженій, во время которыхъ всегда выпадало на долю санитарамъ такъ много работы.

Портретъ Джеральдины Фарраръ. (Стр. 56).

Нѣмецкій художникъ Ф. Каульбахъ является первокласснымъ портретистомъ. Его портреты отличаются не только сходствомъ съ оригиналами, но и внѣшней эффектностью, смѣлостью кисти, сочностью, красочностью. Блестящимъ образчикомъ его творчества можетъ служить воспроизводимый въ настоящемъ № «Нивы» портретъ извѣстной пѣвицы Джеральдины Фарраръ.

Дж. Фарраръ пользуется громкою извѣстностью, какъ прекрасная оперная артистка. Она поетъ въ берлинской королевской оперѣ, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ въ персоналѣ этой оперы. Счастливая наружность артистки и ея замѣчательный талантъ позволяютъ

ей съ неизмѣннымъ успѣхомъ исполнять самыя отвѣтственныя, самыя выдающіяся роли въ современномъ оперномъ репертуарѣ. Мастерская кисть Каульбаха передаетъ черты и фигуру артистки съ замѣчательною художественною правдою.

Кончина короля Даніи, Христіана IX.

(Портр. на этой стр.).

Данію постигло національное несчастье: 16-го января скончался престарѣлый, любимый и уважаемый народомъ король Христіанъ IX, отецъ нашей вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Оеодоровны.

Въ день кончины у короля была долгая аудіенція, сильно утомившая его. Послѣ аудіенціи во время завтрака король почувствовалъ себя дурно, и приглашенный лейбъ-хирургъ Лемэръ посоветовалъ ему лечь въ постель. Въ три часа пополудни у короля былъ констатированъ разрывъ сердца, и маститый монархъ Даніи тихо отошелъ въ вѣчность. При кончинѣ короля присутствовала Императрица Марія Оеодоровна и наследный принцъ.

Король Христіанъ скончался на 88-мъ году своей жизни. Онъ родился 8 апрѣля 1818 года (въ одинъ годъ съ Императоромъ Александромъ II) и былъ сыномъ герцога Вильгельма Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго.

На 13-мъ году жизни принцъ Христіанъ лишился отца и былъ порученъ опекѣ. Въ 1831 году будущій король Даніи былъ помѣщенъ въ семью начальника кадетскаго корпуса, нѣкоего Линде, у котораго и получилъ первоначальное воспитаніе. Затѣмъ онъ посѣщалъ боннскій университетъ.

По окончаніи образованія принцъ Христіанъ былъ приглашенъ въ генераль-инспекторы датской кавалеріи, а въ 1842 г. вступилъ въ бракъ съ племянницей датскаго короля, Христіана VIII, принцессой Луизой.

Вмѣстѣ съ рукою принцессы Луизы принцъ Христіанъ получилъ право на датскій престолъ, и это право было утверждено за нимъ въ 1852 году особымъ протоколомъ, подписаннымъ въ Лондонѣ представителями пяти великихъ державъ. Но фактически датскій престолъ перешелъ къ новому королю лишь девять лѣтъ спустя, т. е. въ 1863 году. 15-го ноября 1863 года принцъ Христіанъ торжественно вступилъ на датскій тронъ подъ именемъ Христіана IX и былъ встреченъ датчанами съ искреннимъ сочувствіемъ.

Въ первый же годъ его царствованія Даніи пришлось выдержать тяжелую и неудачную войну съ Пруссіей и Австріей изъ-за герцогства Шлезвигъ-Гольштейнскаго. Война эта кончилась пораженіемъ Даніи и утратою упомянутаго герцогства; такимъ образомъ, начало царствованія Христіана IX было омрачено тяжелымъ національнымъ горемъ. Но потомъ начался мирный расцвѣтъ этой маленькой державы, и король Христіанъ, рѣшившій всецѣло посвятить себя развитію внутренней жизни государства, много способствовалъ его расцвѣту. Началось преобразование государственнаго устройства, начались реформы арміи и флота, постройки желѣзныхъ дорогъ и развитіе промышленности, и въ настоящее время Данія по справедливости считается одною изъ самыхъ цвѣтушихъ и благоустроенныхъ странъ Европы. Въ 1866 году король открылъ риксдагъ, т. е. датскій парламентъ, и въ 1874 году далъ конституцію Исландіи.

Король Христіанъ IX былъ примѣрнымъ семьяниномъ и рыцарски-благороднымъ человекомъ. Чистый нравственный обликъ его заслужилъ ему всеобщее уваженіе и симпатіи, и кончина его вызвала въ Даніи искреннюю печаль.

Христіанъ IX, король датскій (+ 16 января с. г.).

По фотогр. грав. Пуцъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повесть Бор. Лазаревского. (Продолженіе).—Романъ Н. Ясевичъ.—Къ 150-лѣтію дня рожденія Моцарта. Черты изъ жизни великаго композитора. В. С. Баскина.—Царевна-Лягушка.—Рисунки академика Н. С. Самокиша.—Портретъ Джеральдины Фарраръ.—Кончина короля Даніи, Христіана IX.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Царевна-Лягушка.—Бой.—Выступленіе генерала Родзянко.—Джеральдина Фарраръ.—Къ столѣтійлѣтію дня рожденія Моцарта: 1) Моцартъ на тридцатомъ году жизни. 2) Факсимиле изъ нотной тетради 8-лѣтняго Моцарта. 3) Клавесинъ и спинетъ въ Моцартовскомъ музеѣ, въ г. Зальцбургѣ. 4) Памятникъ Моцарту въ Вѣнѣ.—Ухо Моцарта.—Ухо обыкновенное.—Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Кокенгузенъ, захваченный революціонерами и затѣмъ отнятый обратно прибывшими войсками. 1) Драгунскій полкъ на охранѣ замка. 2) Общій видъ замка до разрушенія. 3) Пойманный революціонеръ. 4) Охранная войска въ замкѣ.—Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Ремерсгофъ, принадлежавшій барону фонъ-Сиверсу и разрушенный революціонерами. 1) Общій видъ замка до разрушенія. 2) Все, что осталось отъ замка—развалины и персоналъ. 3) Разрушенный залъ замка. 4) Внутренній видъ замка послѣ его разрушенія.—Христіанъ IX, король датскій.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій Н. М. Станюковича“ книга I.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

